

ПОНЯТИЕ “НАРОД” И ИСТОРИЯ ПРЕДМЕТА ФОЛЬКЛОРИСТИКИ В ФИНЛЯНДИИ

Фольклористика как отдельная дисциплина начала формироваться в Финляндии в первой половине XIX века. Начальному периоду финской фольклористики была свойственна идея о “народе” как коллективном создателе и хранителе фольклора. Такое мнение основоположников собирания и изучения финского фольклора опиралось на европейский романтизм конца XVIII – начала XIX в. По мнению представителей этого идеологического течения, корни и сущность нации могли быть найдены в ее древнем устно-поэтическом наследии, которое сохранилось, прежде всего, среди простого народа в отдаленных краях. (Hautala 1957, 41 – 42.) Представителей предистории финской фольклористики можно считать и основоположниками финского национализма, потому что их вдохновила идея об имеющей свой язык финской нации, равноценной с другими нациями Европы. Это означало, прежде всего, борьбу против господства шведского языка в Финляндии, чему помог выход Финляндии из состава шведского королевства и создание автономного великого княжества в составе Российской империи. Лаури Хонко даже считает, что определенный кризис национальной идентичности в 1810-х годах послужил толчком для исследования народной поэзии (Honko 1998, 169). Характерным для идеологии того времени во многих отношениях можно считать высказывание Абрахама Поппиуса: “...финнам уже не следует восхищаться шведским мужеством. Мы представляем собой другую нацию, и грудь наших прадедов была такая же волосатая как у гётов, хотя наши предки не были такими славными пиратами.” (Hautala 1954, 93.)

Ранние представители фольклористики не очень интересовались проблемой авторства и исполнителями фольклора, потому что считали фольклор общим достоянием всей нации. Характерным можно считать мнение Элиаса Лённрота о том, что народные песни не имеют сознательных авторов – их не сочиняют, а они просто создаются сами собой (Lonnrot 1982, III). Лённрот, естественно, мог основывать свое мнение не только на романтической идеологии, но и на выводах, полученных в ходе собственных полевых исследований. Самым главным для националистически настроенных энтузиастов-фольклористов был сбор доказательств древности истории финнов и достоинстве их родного языка. Эти мечты сбылись в 1835 году, когда была издана “Калевала” как потерянный и заново реконструированный эпос финского народа, который, по мнению современников, поднял финнов и их язык на равный уровень с ведущими культурными народами Европы.

До конца XIX века предметом собирания и исследования была в основном старинная эпическая поэзия, которая являлась еще живой традицией в восточной периферии Финляндии и за восточной границей в Российской Карелии а также на периферии. Идентификация “народа” не представляла проблемы для собирателей: это были местные крестьяне, знающие старинную традицию. Предполагалось, что когда-то в прошлом эти песни исполнялись повсюду среди финского народа, но потом их забыли и они сохранились лишь в Карелии и в определенном районе Восточной Финляндии.

Интересно следующее терминологическое различие: в середине XIX века среди грамотных крестьян Восточной Финляндии появилась мода писать повествовательные стихи на актуальные или современные темы по калевальской тематике. То есть устная традиция была еще в какой-то мере знакома, но она применялась уже в другой сфере. Ученые называли эту поэзию не “народной поэзией” а “простонародной поэзией” (*kansanrunous – rahvaanrunous*). То есть, “народом” в идеологическом смысле являлся не всякий представитель крестьянства, а носители старой устной традиции. Также не любое творчество было достойно звания “народное”. Интеллигенция имела идеальное представление о своем единстве со всеми группами общества, большинство которого составили разные слои крестьянства. Только старинная поэтическая традиция могла символически объединить представителей всех слоев рождающейся нации.

В конце XIX века сформировалась настоящая академическая наука о фольклоре, которая стала

называться в Хельсинском университете “финское и сравнительное изучение народной поэзии”. Задачей науки, которую мы можем называть фольклористикой, стало изучение истории и трансформации каждого фольклорного произведения, выявление корней народной поэзии, в частности эпических рун. Предполагалось, что каждая руна возникла в определенном месте в определенное время и тогда имела устойчивую, совершенную форму. Фольклористика должна была найти этот “Urtext” с помощью сравнительного анализа имеющихся вариантов. Дальнейшая жизнь рун считалась, прежде всего, бесчисленным повторением оригинального текста с постепенными изменениями, причиной которой являлось несовершенство человеческой памяти. В связи с этим исполнителей записанных текстов считали лишь передатчиками материала и важной казалась информация о том, где исполнители родились, жили, кто их научил фольклору или от кого они его слышали.

Постепенно предмет фольклористики расширился, но носителями фольклора продолжали считать представителей крестьянства как единой группы, не обращая внимания на другие социальные подгруппы. Перед наукой стояла национальная задача, она должна была рассказать, какими были и где находились корни финской нации, а это могла доказать именно традиционная крестьянская культура.

Общественный заказ, даже нажим на историческую интерпретацию фольклора явно ощущался в кризисной ситуации начала XX века, когда Финляндия находилась под угрозой обрусения. Тогдашний профессор фольклористики Каарле Крон первоначально считал, что финская эпическая поэзия по сути неисторична, отражает разные мифы и поэтому не способна рассказать о прошлом народа. Но в 1910-х годах он вдруг стал совсем по-другому рассматривать эпическую традицию, увидел в ней явное отражение исторического прошлого финского народа, с уверенностью мог датировать ее в доисторический, викингский, “героический” период конца первого тысячелетия и географически определить “родину” эпической традиции в юго-западной Финляндии. (Wilson 1985, 66 – 67.).

Принципиальное изменение произошло в отношении к процессу рождения традиции. Постепенно была развита индивидуалистическая теория, согласно которой народ ничего не создает, а творцами эпических рун являлись отдельные одаренные личности. Они создали песни, а остальные – народ – являлись аудиторией, которая сохраняла в памяти творения неизвестных мастеров устной словесности, “неизвестных поэтов” (poeta anonymus).

Финская фольклористика и этнология по-прежнему ориентировались на изучение крестьянской культуры и после первой мировой войны и в период становления независимой Финляндии. Отчасти это было вызвано кровавой гражданской войной, которая разрушила иллюзии высших слоев общества о народе и оказала крайне отрицательное влияние на промышленных рабочих. Буржуазная интеллигенция считала, что (простой) народ изменил родине, а спасли ее именно крестьяне (ср. Alarigo 1993, 8). Если в России Красная армия называлась “рабоче-крестьянской”, то белая финская армия считалась чисто “крестьянской”.

Сразу после окончания гражданской войны благодаря осуществлению земельной реформы в деревне родился новый широкий слой мелких землевладельцев и таким образом была ликвидирована опасность возникновения резких социальных противоречий в обществе. Это еще больше повысило идеологическую ценность крестьянства и его значение для национальной идентичности. Крестьянство по-своему гарантировало безопасность общественного строя.

В 1920 – 1930-е годы среди фольклористов сохранялась националистическая направленность видеть в эпическом творчестве “героический период” предыстории финнов и считать эпические сюжеты отражениями действительных военных событий и приключений, а героев – воинами и полководцами. Хотя независимость Финляндии и финский язык уже имели стабильное положение, националистическая ориентация в общественной идеологии требовала еще легитимации и со стороны фольклористики. Героическое прошлое обрисовывалось не только такими фольклористами, как профессор К.Крон и тогда еще молодой Мартти Хаавио, но и историками, среди них, Ялмари Яаккола. Ради справедливости нужно добавить, что у них были и оппоненты, как например Э.Н.Сетяля и В.Салминен. Правда последние и не критиковали связь науки с идеологией, хотя Сетяля видел в эпической традиции прежде всего отражение мифологии, а не древней реальности.

По воспоминаниям Матти Кууси, Вяйнё Салминен, профессор фольклористики Хельсинского университета после Крона, даже гордился тем, что у него на полках не было ни одной “ненациональной” книги, то есть он вовсе не читал иностранную научную литературу.

Вторая мировая война привела в тупик националистическую идеологию предыдущих десятилетий и показала те страшные результаты, к которым шовинистический национализм мог привести человечество. В связи с заключением мира между Финляндией и Советским Союзом разные национально-радикальные организации стали считаться антисоветскими и должны были прекратить

свою деятельность. Коренное изменение идеологической атмосферы общества не могло не отражаться и на мышлении фольклористов (Wilson 1985, 156). Один из выдающихся деятелей науки, Мартти Хаавио, в статье в 1946 году элегично писал, что “великий период” Каарле Крона окончательно завершился.

Хаавио также выразил на словах общую потребность переработать толкование Калевальской эпикки. До второй мировой войны в ее приключениях видели, прежде всего, воинственную предысторию финского народа. После войны начали подчеркивать мифическую сторону эпоса. Хаавио, написавший в 1935 году о “героическом периоде” и “военном обществе” (Haavio 1935, 420), считал в 1950 главного героя эпической поэзии Вяйнямёйнена уже не полководцем, а шаманом-знахарем, главное достоинство которого состояло в сверхъестественных свойствах души. (Haavio 1950, 307 – 310).

Однако изменение идеологической почвы фольклористики не отразилось на определении понятия “народ” и на понимании предмета науки. Хаавио развил до предела свой индивидуалистический подход к фольклору и предложил размыть границу между литературными и устными стихами. Но все же фольклор искали в доиндустриальном традиционном сельском обществе. Город, видимо, считали местом гибели традиционной культуры, где уже нельзя было различать, кто, что и у кого выучил. “Народ” отличался от обученного населения, от “господ”, но он не включал рабочих, хотя они в основном имели корни в деревне.

Предмет фольклористики и собирательской деятельности расширился в рамках крестьянской культуры. То, что раньше считалось неценным и мешающим собиранию: анекдоты, рифмованные песни типа коломыйки, несказочная проза, постепенно вызвало интерес собирателей и исследователей. Можно сказать, что представление о фольклоре и народной культуре в целом было довольно статичное. Собиратели уже давно заметили, что они документируют уходящую культуру доиндустриального крестьянского общества. В начале XX века практически исчезли калевальская эпика и сказки и с течением времени стали угасать и многие другие жанры фольклора. “Спасение старинной традиции” во многом продиктовало собирание и документирование фольклора – старались успеть зафиксировать явления перед их исчезновением. Но получилось так, что разные формы фольклора не были удостоены внимания, пока они были живыми и естественными частями быта, а заметили их только тогда, когда они уже попали под угрозу исчезновения. Это, естественно, повлияло на содержание и качество материалов.

С идеей полной документации доиндустриальной крестьянской культуры была связана идея завершения собирания фольклора. Известно из устных рассказов “внутренней традиции фольклористов”, что руководство фольклорного архива Финского Литературного Общества в 1950-е годы серьезно думало о прекращении собирания фольклора и о переходе исключительно на его исследование, поскольку все уже было собрано, хотя еще требовалось добрать некоторые материалы. Причиной подобной установки была, видимо, исследовательская ориентация на выявление происхождения и развития разных явлений традиционной культуры согласно принципам исторической школы. Для сравнительного изучения требовались материалы из разных регионов страны, и они были в основном уже собраны, а накопление новых, ценных находок стало в связи с развитием модернизации и индустриализации все менее вероятным.

Изменение ориентации фольклористики стало ощущаться уже в конце 1950-х годов. Понятие “народ” начали употреблять более широко и условно, без обязательного ограничения традиционной крестьянской культурой. Йоуко Хаутала пришел в своем детальном обзоре основных понятий фольклористики к выводу, что “народ” и “народный” указывают не на качество предмета, а на установку исследователя: нет отдельной, ограниченной группы “народа”, а во всем человеческом поведении можно видеть “народный” элемент – коллективное или общее и традиционное в духовном развитии людей. (Hautala 1957, 118 – 119.) Примерно в то же время другой авторитет, новый профессор фольклористики Хельсинского университета Матти Кууси охарактеризовал предмет своей науки параллелями между традиционной крестьянской культурой и современной урбанистической культурой: “эстрадная музыка является народной песней нашего времени, рекламное предложение – пословицей” и т. д. (Kuusi 1959).

В истории финского общества 1960-е годы считаются важным переломным периодом. Страна стала действительно современным, современным индустриальным обществом с хорошей социальной защитой, и это ощущалось и в менталитете и в идеологии. (Alaripo 1993, 9.) Старая идеологическая почва и установки во многом сохранились еще в 1950-х годах, но в следующем десятилетии прежняя духовная структура развалилась под нажимом модернизации и идеологического плюрализма. Тогда окончательно было отвергнуто представление о едином финском народе и единой национальной

идеологии, основными элементами которой являлись “дом, религия и родина”. В связи с этим перестали широко пользоваться понятием “народ”, и это понятие осталось в основном в словаре политической пропаганды популистских движений.

После второй мировой войны на идеологической карте Финляндии появился и другой “народ” – рабочий, и его “народные” организации, например, политическая организация “Демократический Союз Финского Народа”, имевшие тесные связи с коммунистической партией. До 1960-х годов буржуазный верхний слой общества мог исключить значение рабочего класса и соревнующегося идеологического “народа”, но потом произошел раскол интеллигенции, и часть ее стали считать пролетарскими представителями народа. Согласно социологу Ристо Алапуру, после второй мировой войны в Финляндии имелись два больших идеологических проекта, но оба потеряли свою основу в течение 1960-х годов. (Alapuro 1993, 8 – 9.) Старый национализм уже не имел значения для общества, но и радикальное направление рабочего движения стало терять своих сторонников в связи с повышением жизненного уровня и интеграцией пролетариата в обществе. “Народ” как понятие общественной идеологии действительно потерялся.

Своеобразным ответвлением левой идеологии является “неокарелианизм” радикальной финской интеллигенции начала 1970-х годов. Бывший буржуазный национализм видел в дореволюционной Северной Карелии храм и живой музей финской национальной культуры, и радикальные националисты организовали несколько походов в Российскую Карелию для освобождения племянников от ига русских большевиков. Попытки не удались, и старая культура была уничтожена в ходе советизации, хотя освобождение Карелии осталось святой задачей национальной интеллигенции в рамках “Академического Общества Карелии” (Akateeminen Karjala-Seura, AKS). Левые культурные деятели 1970-х годов назло буржуазии искали альтернативу буржуазной финской культуре и старому национализму в Советской Карелии, где в то время публиковалось много произведений советских карельских писателей на финском языке.

Изменение в общественной идеологии сказалось и на деятельности представителей фольклористики. В конце 1960-х годов культуру и быт рабочих уже признали предметом изучения, в принципе равным крестьянской культуре. Характерно и то, что фольклористы участвовали в собирании устной истории гражданской войны, под невинным названием “1918-й год”. Вообще в то время появились новые исторические исследования гражданской войны, оспорившие господствовавшее до этого “белое” истолкование. Перестали пользоваться идеологически заряженным названием “освободительная война”, а поскольку единогласия о названии не было, то часто прибегали к нейтральному выражению “события 1918-го года”.

Высказывания Хаутала и Кууси в конце предыдущего десятилетия были первыми признаками изменения определения предмета фольклористики. Старая практика сохранялась еще длительное время, но предмет уже поняли по-другому. На уровне всемирной фольклористики изменился и общий подход к фольклору: это были уже не только традиционные жанры, их классификация и текстуальный анализ, а изучение с учетом контекста (Abrahams 1992, 32 – 33). Влияние американской культурной антропологии и других международных течений стало сильнее и в отечественной науке. Одновременно господствующим стало определение фольклора таким образом, как его представил, например, Хаутала, согласно которому носителем фольклора является не абстрактный “народ”, а любой коллектив, будь это население целого континента или несколько человек. Таким образом, в фольклористике понятие “народ” получает значение, отличающееся от ежедневного языка (Virtanen 1988, 10). Сходным образом определил фольклор американский ученый Дан Бен-Амос: “фольклор есть художественная коммуникация в малой группе” (Ben-Amos 1971, 13).

Сеппо Кнууттила исследовал разное понимание атрибута “народный” в фольклористике. Он критикует старое понимание “народа” в том, что на практике общественный аспект полностью забывается, когда говорят просто о народе, не определяя его место в обществе. Еще сильнее он видит этот недостаток в более позднем определении фольклора, когда народ заменяется любым коллективом. Он не одобряет подход Рихарда Вейсса, который так же как Хаутала считает “народный” качеством, которое можно найти у всех людей, независимо от их общественного положения. (Knuuttila 1992, 62 – 63.) Однако, подобный подход можно найти в литературе уже в конце XIX века, когда Вильям Ньювел определил термин “folk” следующим образом: “народ должен включать 1) всех дикарей, 2) старомодный народ, 3) детей, 4) нас всех там, где мы оказываемся старомодными (William Wells Newell 1891; Abrahams 1992, 44).

Подход, представленный Ньювелом в четвертом пункте, однако, не стал популярным, и “крестьянское” понимание сущности фольклора сохраняло свое господство еще многие десятилетия. Хотя Кнууттила поддерживает “классовый” подход к определению понятия “народ”, он все же видит

“народный” в оппозиции с “научным”, и таким образом “народный” отождествляется с “традиционным”.

Несмотря на критику новый подход и определение фольклора стал в фольклористике в 1960-е годы господствующим, и “народ” потерял свое бывшее значение низкого, деревенского слоя общества. Начиная с конца 1960-х годов, в финской фольклористике принято изучать традицию какой-то особой группы или, по крайней мере, определять, фольклор каких людей является предметом изучения. Фольклор уже не автоматически локализуется в деревне среди крестьянства.

Финская фольклористика сохранила свою национальную задачу до 1960-х годов, хотя национальная идеология значительно ослабела и трансформировалась после второй мировой войны. “Народ” как идеологическое понятие получило свою заряженность в XIX веке. После второй мировой войны на идеологической арене появился соперничающийся “народ”, и оба претерпели поражение в 1960-х годах. Фольклористика утратила бывшую связь с национальной идеологией, но не полностью. Хотя некоторые теоретики модернизации и постмодернизации считают, что нация как важная единица самоопределения людей утратила значение, то в условиях глобализации и международной интеграции национальная или этническая принадлежность стали неожиданно снова интересовать людей. Однако этот интерес уже не имеет серьезных общественных или общегосударственных предпосылок в Финляндии. Зато на уровне разных этнических групп в мире повторяется то, что произошло в Европе в XIX веке и позднее: группы стараются обосновать свое существование и требование уважения своих прав и традицией. (Международная дискуссия: напр. Siikala 1997, 62 – 66.) Фольклор до сих пор является идеологическим орудием там, где не достигли стабильного положения и взаимного уважения прав между этническими группами и государствами.

Abrahams, Roger: The past in the presence: An overview of folkloristics in the late 20th century. – Folklore processed in Honour of Lauri Honko on his 60th Birthday 6th March 1992. Studia Fennica Folkloristica 1. Helsinki, SKS 1992.

Alapuro, Risto: Mihin kansa katosi? – Kalevalaseuran vuosikirja 72. Helsinki, SKS 1993.

Ben-Amos, Dan: Toward a Definition of Folklore in Context. – Toward New Perspectives in Folklore. Austin 1972.

Haavio, Martti: Suomalaisen muinaisrunouden maailma. Porvoo-Helsinki, WSOY 1935.

Haavio, Martti: Väinämöinen. Suomalaisen runojen keskushahmo. Porvoo, WSOY 1950.

Hautala, Jouko: Johdatus kansanrunoustieteen peruskäsitteisiin. Helsinki, SKS 1957.

Hautala, Jouko: Suomalainen kansanrunoudentutkimus. Helsinki, SKS 1954.

Honko, Lauri: Textualising the Siri Epic. FF Communications 264. Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia 1998.

Knuuttila, Seppo: Kansanhuumorin mieli. Keskustelun aineksina. Helsinki, SKS 1992.

Kuusi, Matti: Kansanperinteen metamorfoosi. – Suomalainen Suomi 27. 1959.

Lönnrot, Elias: Kanteletar, elikkä, Suomen kansan wanhoja lauluja ja wirsiä. Helsinki, SKS 1840 (14-е издание 1982).

Siikala, Anna-Leena: Toisiinsa virtaavat maailmat. – Kaukaa haettua. Kirjoituksia antropologisesta kenttätyöstä. Toim. Anna Maria Viljanen ja Minna Lahti. Helsinki, Suomen Antropologinen Seura 1997.

Virtanen, Leea: Suomalainen kansanperinne. Helsinki, SKS 1988.

Wilson, William A: Kalevala ja kansallisuusaate. Helsinki, Työväen Sivistysliitto 1985. (Folklore and nationalism in modern Finland. Bloomington, Indiana 1976)

Pekka Hakamies. The concept of “folk” in the history of the folklore studies in Finland.

The definition of folklore in the Finnish folklore studies was initially based on the romantic concept of “folk” in the nationalistic ideology of Europe during the 19th century. Folklore was considered as relics from the past and evidence of the historical dignity of the nation. This dictated the concentration of the recording and research activity on the old peasant tradition, and this social class formed the “folk” of the folklore studies.

Initially many of the collectors and researchers thought that folklore or “folk poetry” was generated collectively without any single authorship. Later this view was replaced by a highly individualistic viewpoint: every piece of folklore was created by some unknown person, “poeta anonymus”, and the role of the collective was limited to preservation and repeating of folklore.

The archaic concept of folklore, based on gradually vanishing traditional peasant culture, was connected with the Finnish bourgeois nationalistic ideology and it was preserved until the 1960s when both the old nationalism and the folklore concept due to the modernization gave way to a more pluralistic and dynamic view of the society and its culture. Since then it has been usual to define the “folk” of the folkloristics as any kind of group, based on ethnic, social, professional or kin or some other membership.